

О. А. Казанцева

**ОБРЯД ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ
В КУДАШЕВСКОМ I МОГИЛЬНИКЕ
ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ**

В статье рассматривается своеобразная черта погребального обряда древнего населения Прикамья – парные захоронения – на примере Кудашевского I могильника (III–V вв.), расположенного в Бардымском р-не Пермского края. В рядах захоронений грунтовой части памятника, наряду с индивидуальными, выделяются ямы несколько большего размера, но имеющие такую же ориентацию по сторонам света. Все парные могилы памятника имеют вещевой инвентарь, не отличающийся от индивидуальных погребений по составу и количеству предметов. Но некоторыми деталями в устройстве погребального места парные могилы отличаются от индивидуальных захоронений.

При общей яме погребальные деревянные конструкции в могилах представляют собой отдельные места для каждого из пары и имеют морфологические детали. Сопоставление сопровождающего вещевого инвентаря позволяет определить пол и статус человека в паре, выделить важные персоны – мужчин, игравших значительную роль в военном деле и женщин, имеющих наборные шейные украшения – ожерелья. В мужских могилах содержатся предметы вооружения и быта, в женских погребениях – украшения и предметы быта, так же, как и в индивидуальных могилах. Исследование вещей в погребениях позволило датировать парные могилы концом IV – началом V в. н.э. Рассматривается вопрос о семантике парных захоронений. Парные могилы связаны с процессами ассимиляции пришлого населения в местной среде. Приведены аналогии парным захоронениям из погребальных памятников середины I тыс. н.э. Пермского и Удмуртского Прикамья.

Ключевые слова: Пермское Прикамье, III–V вв., могильник, погребальный обряд, парное захоронение, устройство могилы, гендерные различия, вещи, семантика обряда.

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-341-353

Изучение погребального обряда древнего населения по материалам могильников I–V вв. Среднего Прикамья в ряде случаев выявило парные захоронения в одной яме в отличие от индивидуальных погребений, которые преобладают на памятниках.

Краткий историографический обзор литературы. Сообщения ученых о парных погребениях охватывают интервал практически с эпохи камня и позднего средневековья в мире; в разных культурах встречаются такие ритуальные практики, как захоронение умерших в паре. Состав пары может быть разный: мужчина и женщина, двое мужчин, две женщины, женщина и ребенок, мужчина и ребенок и т. д.

Среди зарубежных публикаций выделим лишь некоторые, связанные с исследованием погребальных практик. По мнению Вальтера Ланга (профессора археологии Тартуского универ-

ситета, Эстония), «тема смерти касается всех и каждого и составляет существенную часть человеческой культуры» [Valter Lang 2011, 83].

Йорданские ученые отмечают, что на ритуалы погребения человека огромное влияние оказывают социально-экономические причины, религия и т. д. [Abdulla Al-Shorman and Ali Khwaileh 2011, 91, fig. 2]. Многие из реконструированных погребальных практик указывают на общество, которое поддерживало какие-то социальные связи с умершими, поклонялось предкам или почитало их [Abdulla Al-Shorman and Ali Khwaileh 2011, 103].

Деннис Хардинг (английский археолог) подчеркивал гендерные различия и проводил ассоциации с захоронениями животных, считая, что «формальные» кладбищенские захоронения или кремации не были характерны, как погребальные обряды в традиционном понимании этого явления, для большинства регионов Британии до кануна римского завоевания [Dennis W. Harding 2016].

В отечественной историографии явление парных погребений рассматривается многими учеными; в частности, Пуздровским А. Е., Медведевым Г. В. [Пуздровский, Медведев 2015, 250–269]. Авторы подчеркивают, что такие могилы составляют меньшинство по сравнению с индивидуальными захоронениями на памятнике.

Отметим мнение С. М. Паромова (ИА РАН, г. Москва), считающего, что объяснение обряда парности надо искать в духовной области, именно в ней – причина богатства и разнообразия парных захоронений. Анализируя парные погребения, ученый пришел к выводу: «Парные погребения Артюховского кургана вобрала в себя <...> местные и греческие традиции, взаимопроникновение которых образовало удивительный обряд» [Паромов 2019, 66].

Семантику парных захоронений на примере андроновской культуры эпохи бронзы рассматривала С. В. Сотникова (ТГСПА, г. Тобольск), которая предполагает, что «<...> существовали такие сферы ритуальной жизни, которые были доступны только женщинам или только мужчинам» [Сотникова 2013, 48].

При характеристике погребального обряда населения памятников Пермского Прикамья авторами раскопок парные погребения обозначены в общей статистике захоронений на могильниках [Генинг 1964, 94–162; Перескоков 2004, 134–138]. В Бояновском могильнике – памятнике ломоватовской археологической культуры отмечено шесть «особых» – парных – захоронений [Брюхова 2008, 197]. Важно отметить, что это сообщение – единственное для Пермского Предуралья, посвященное анализу могил, содержащих пару умерших. Автор, анализируя материалы могильника, замечает, что в отношении парных однополых погребений «<...> в обряде похорон для разных полов есть такие особенности, которые не позволяют проводить одновременное захоронение мужчины и женщины» [Брюхова 2008, 196].

Аналізу коллективных захоронений посвящено исследование, основанное на материалах Тарасовского могильника в Удмуртском Прикамье, где наряду с групповыми отмечены и парные могилы [Сабилов 2001, 72–74].

При исследовании общих тенденций погребального обряда населения Кудашевского I могильника, в частности, морфологии погребальных конструкций памятника, уже было обращено внимание на парные погребения [Казанцева, Вязников 2012, 20–31]. В рамках изучения погребального обряда нами ранее рассмотрена довольно редкая черта погребальной практики – порча инвентаря из двух могильников бассейна р. Тулвы [Казанцева 2018, 108–118]. В данной статье обратимся к феномену парных захоронений.

Цель статьи состоит в описании погребений, содержащих двух человек в одной могиле Кудашевского I могильника. Задачей исследования является статистика элементов погребального обряда парных могил и интерпретация ритуала «парности» по материалам Кудашевского I могильника.

Всего на памятнике парных могил насчитывается четыре из 359 захоронений, что составляет 1,01% от общего числа грунтовых могил. В статье проанализированы два погребения: погр. 206 (Казанцева 2006, 15) и погр. 212 из археологических раскопок памятника соответственно в 2005–2006 гг. (Казанцева 2007, 6–7).

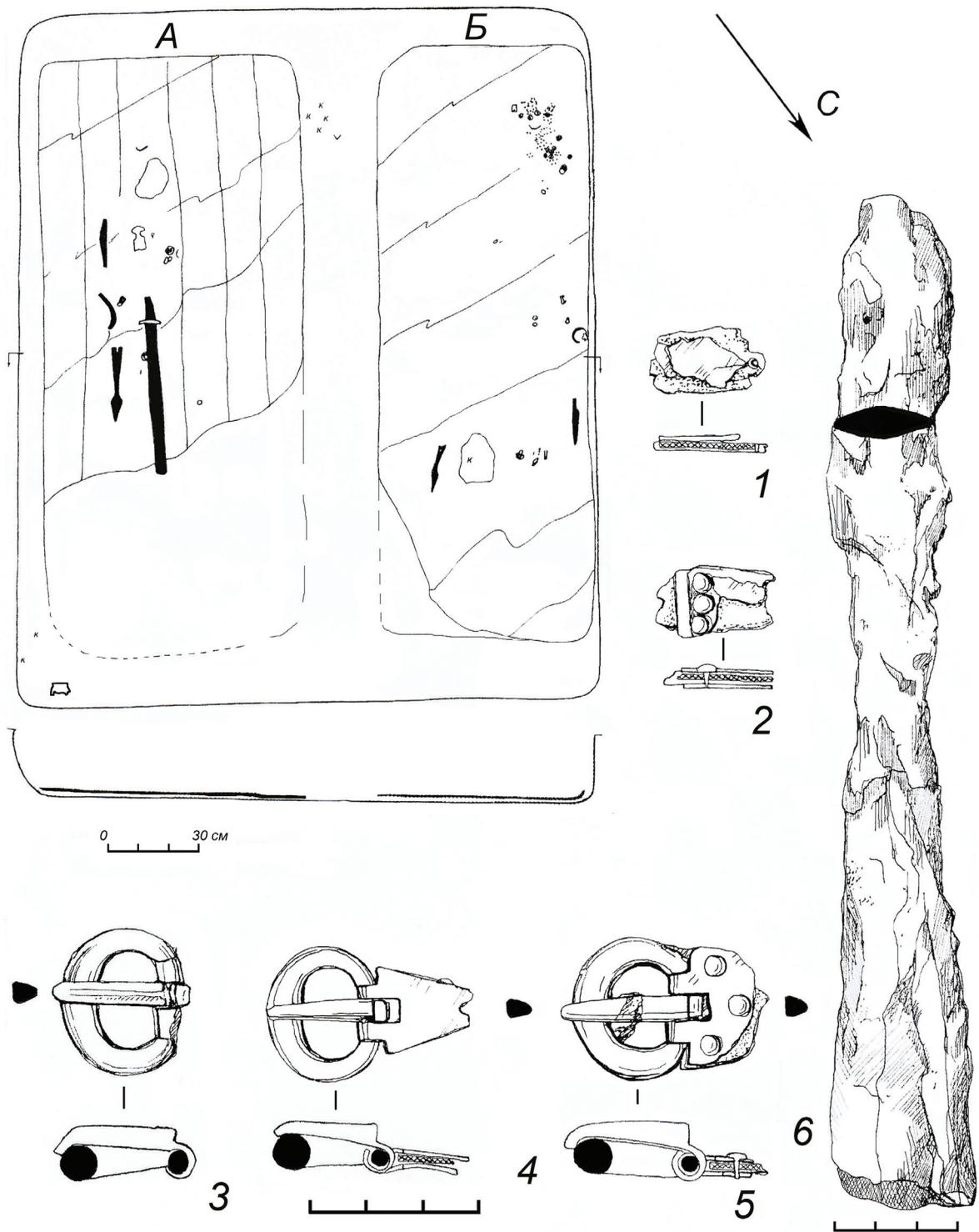

Рис. 1. Кудашевский I могильник. План погребения 206 и вещи из погребения 206А.
1-2 – наконечники ремней, бронза; 3-5 – пряжки, бронза; 6 – наконечник копья, железо.

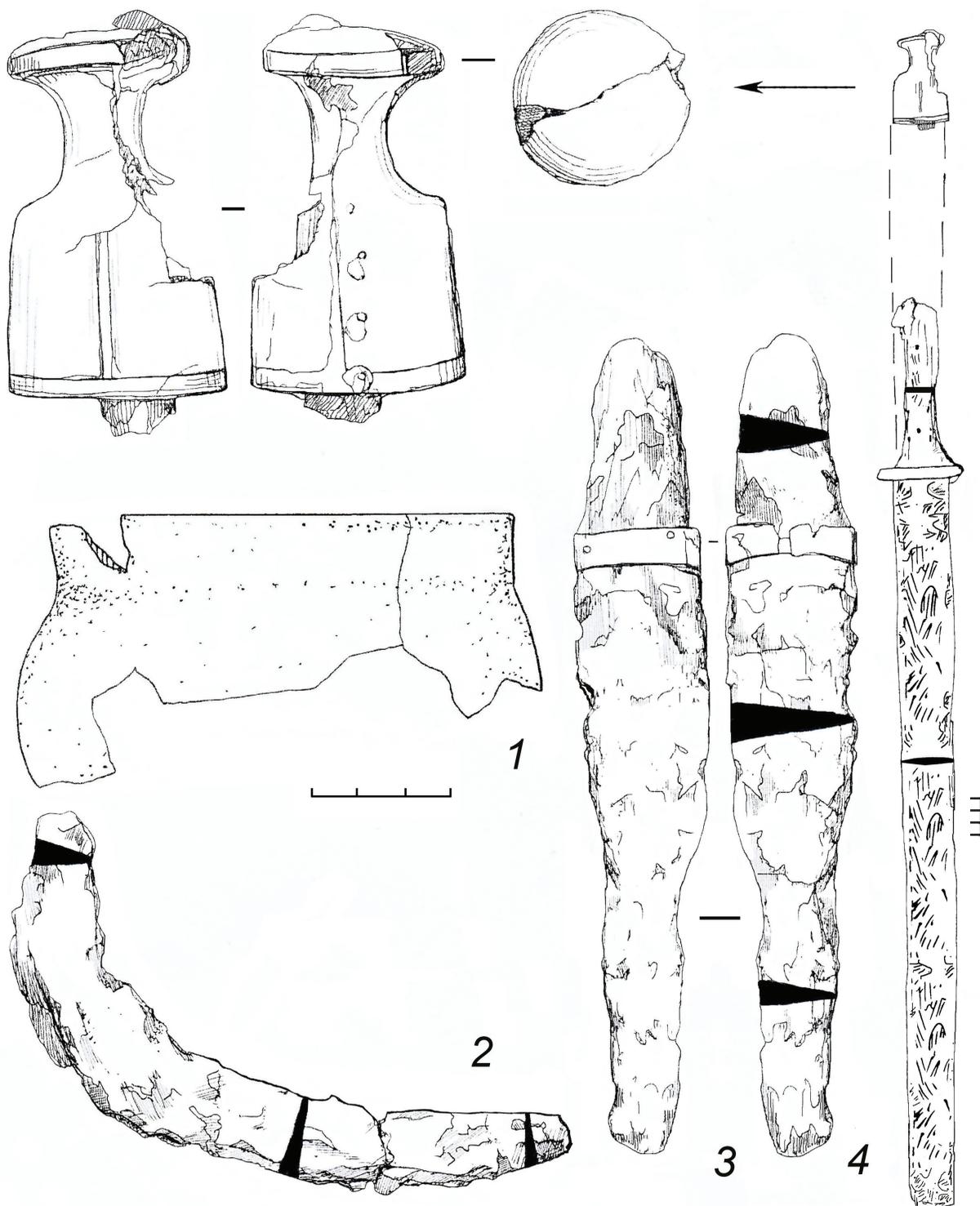

Рис. 2. Кудашевский I могильник. Вещи из погребения 206А.
 1 – сосуд, глина; 2 – серп, железо; 3 – нож, железо, бронза;
 4 – меч с навершием, железо, бронза, дерево, серебро.

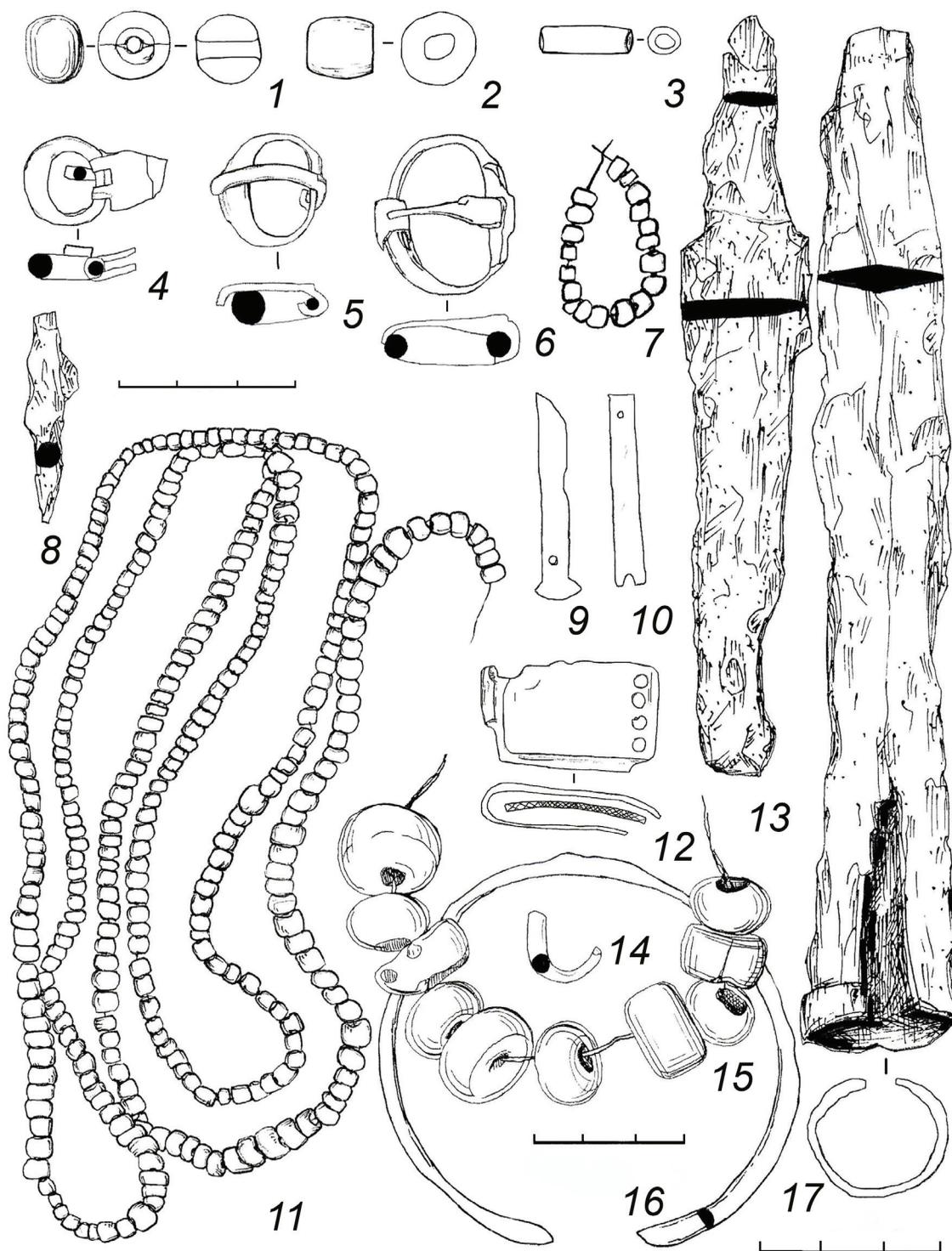

Рис. 3. Кудашевский I могильник. Вещи из погребения 206Б. 1–3 – бусы, стекло; 4–6, 14 – пряжки, бронза; 7, 11 – бисер, стекло; 8 – шило, железо; 9–10 – накладки, бронза; 12 – наконечник ремня, бронза; 13 – нож, железо; 15 – бусы, камень (халцедон, янтарь); 16 – браслет, бронза; 17 – наконечник копья, железо.

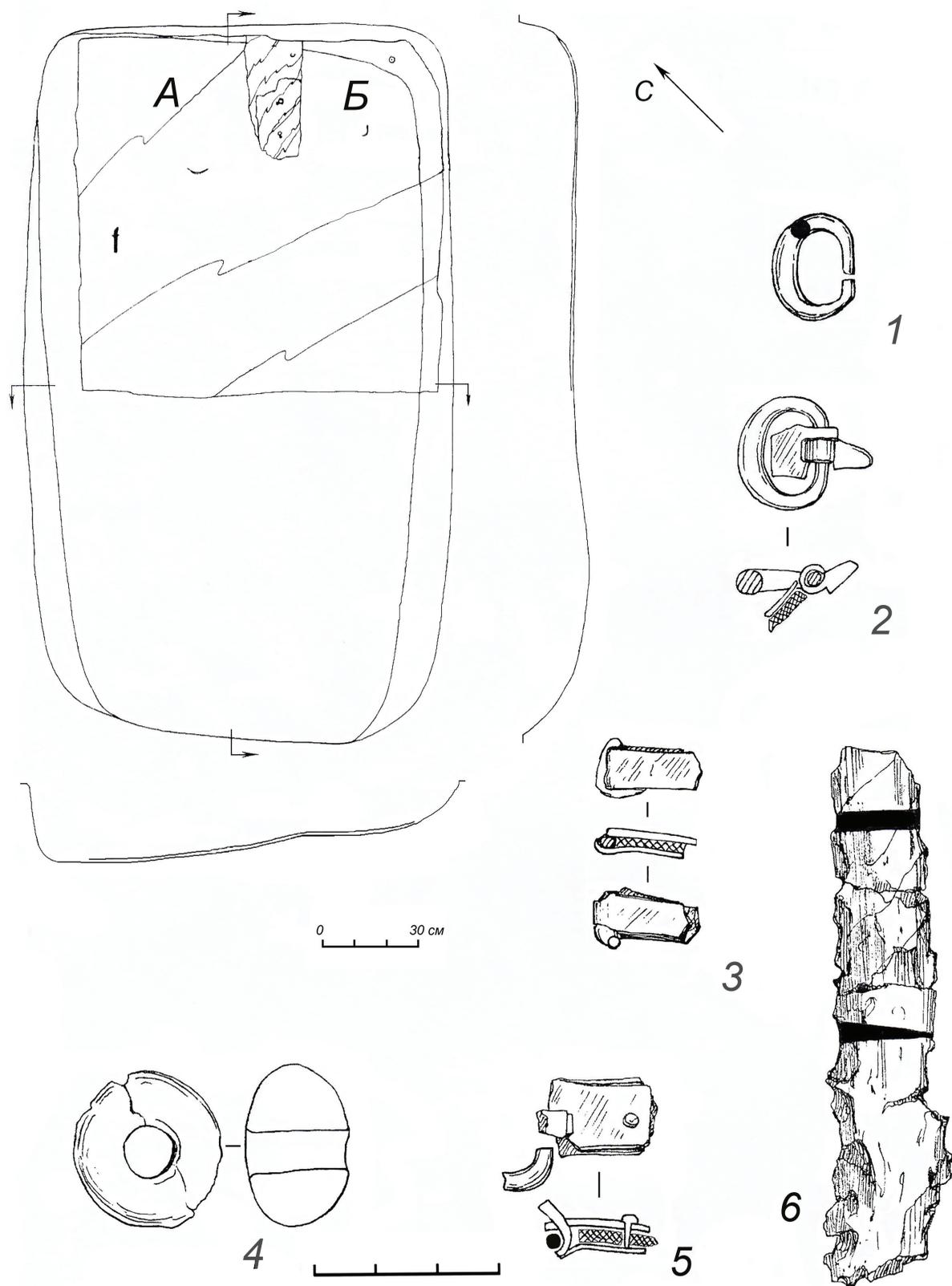

Рис. 4. Кудашевский I могильник. План и вещи из погребения 212. 1–3, 5 – пряжки, бронза. Погребение 212А. 6 – нож, железо. Погребение 212Б. 4 – бусина, камень (халцедон).

Общие параметры погребений. Могилы прямоугольной формы, стенки прямые, дно плоское. Устройство погребальных конструкций: настил (погр. 206Б), а в другом случае отмечен один из его видов – плахи (погр. 206А). В погр. 212 отмечены остатки деревянных погребальных конструкций в виде тлена. В заполнении могилы № 206 – слой № 38 (темно-серый пестроцветный суглинок с включениями угля, кальцинированных костей, мелкой гальки), мощностью 23 см; в заполнении могилы № 212 – слой № 7 (серый пестроцветный суглинок), мощностью 22 см.

Описание погребений. Погребение 206 (рис. 1-3). Могильная яма имеет размеры 222x185 см, погребение ориентировано по линии юго-запад – северо-восток. В могиле отмечены останки зубов двух человек. По сопровождающему инвентарю останки одного принадлежали, вероятно, мужчине (А), другого – женщине (Б).

Умерший А. Зафиксированы зубы человека, располагавшегося головой на юго-запад. Ниже зубов располагался фрагмент охры коричневого цвета размерами 13x10 см, толщиной 0,1–0,2 см. В центре могилы вдоль ямы располагался двуручный железный меч с линзовидным сечением полотна, бронзовым перекрестьем и серебряным навершием (рис. 2-4). В полевых условиях длина предмета составляла 88 см. Рядом с ним располагались 2 бронзовые пряжки (рис. 1-3), одна из них рассыпалась, 2 бронзовых наконечника ремней (рис. 1-1, 2), железный нож с бронзовыми обкладками (рис. 2-3). Справа вдоль рукояти меча найдены: бронзовые пряжки (рис. 1-4, 5), железный серп (рис. 2-2), железный наконечник копья (рис. 1-6). Под железным мечом найдена еще одна бронзовая пряжка, которая рассыпалась.

Предметы поясной гарнитуры являются портупейным набором воина, в который входили меч и нож, располагавшиеся на ремне. Они были связаны с определенной системой крепления при помощи бронзовых пряжек. Слева от меча обнаружен фрагмент глиняной обмазки, который, вероятно, применялся в качестве сырья для состава полировки клинка меча. В северо-восточном углу погребения в засыпи найден развал сосуда (рис. 2-1) и две кальцинированные косточки. Вещи размещались на тлене размерами 140x84 см, толщиной 1,2 см. Погребальная конструкция представляла собой, вероятно, доски (плахи?) шириной 13–18 см.

Умерший Б. Отмечены зубы, судя по которым человек был уложен в направлении головой на юго-запад. Все вещи, сопровождавшие умершего, находились на тлене (размеры 190x68 см), мощностью до 1,0 см. Обнаружены в области предполагаемой головы: бусины из одноцветного стекла красно-печеночного цвета (рис. 3-1-3), янтарные (5 экз.) и халцедоновые бусины – 5 экз. (рис. 3-15), разноцветный бисер – 346 экз., в основном красно-печеночного цвета, также присутствует бисер бирюзового цвета (рис. 3-7, 11). Среди бус была обнаружена бронзовая пряжка (рис. 3-6). В центре могилы располагалась еще одна бронзовая пряжка (рис. 3-4) с накладкой (рис. 3-9) и бронзовым наконечником ремня (рис. 3-12). Вероятно, все эти предметы – поясной набор. Рядом располагался бронзовый браслет, имеющий овальное сечение (рис. 3-16). Внутри него размещалась кальцинированная косточка. В области предполагаемых ног человека был найден железный нож (рис. 3-13), бронзовые поясные накладки – 3 экз.; две рассыпались (рис. 3-10), неудовлетворительной степени сохранности. Рядом – две бронзовые пряжки (рис. 3-5, 14) и железное шило (рис. 3-8). Железный втульчатый наконечник копья (рис. 3-17) имеет размер 21 см. Между умершими в области головы концентрировалось скопление кальцинированных костей – вероятно, следы кремации. В юго-восточной половине в засыпи обеих могил фиксировалось скопление кальцинированных костей и фрагмент угля. В придонной части были отмечены единичные включения мелкой речной разноцветной гальки со следами воздействия огня.

Погребение 212 (рис. 4) ориентировано по линии северо-восток – юго-запад, имеет размеры при фиксации 208x110 см. Дно ямы скошенное, стенки отвесные. На уровне -50 см яма изменила свои очертания в длину до 222 см и в ширину до 128 см. В северо-восточной части обнаружены зубы от двух человек, вероятно, погребенные располагались головой на юго-запад.

Умерший А (слева). В северо-восточной половине погребения отмечена халцедоновая бусина (рис. 4-4).

Умерший Б. Справа обнаружен железный нож (рис. 4-6). Все предметы обоих умерших располагались на общем глене от деревянной погребальной конструкции, размерами 105x94 см, толщиной 0,1 см.

Между зубов от двух человек в области предполагаемой головы на фрагменте дерева размерами 36x15 см (толщина 0,3 см) найдены 4 бронзовые пряжки (рис. 4-1-3, 5) неудовлетворительной степени сохранности.

Таким образом, ориентация могил по сторонам света разная (юго-запад – северо-восток, погр. 206 и северо-восток – юго-запад, погр. 212); умершие в захоронениях ориентированы головой на юго-запад (погр. 206) и на северо-восток (погр. 212). По составу инвентаря положение в захоронениях: слева – женщина, справа – мужчина.

Аналогии вещам и датировка. По сопровождающему инвентарю погребенные могут быть соотнесены с мужчиной и женщиной (погр. 206). Статус мужчины как военачальника определяем по престижному предмету в погребении – двуручному мечу, рукоять которого оформлена деревянным навершием, покрытым серебряной фольгой. Аналогичная форма навершия рукояти меча отмечена у предмета из кургана V Тураевского могильника, находка отнесена автором ко второй четверти V в. н.э. [Генинг 1976, 71, рис. 15; 108]. Меч обоюдоострый, ширина клинка сужается от рукояти от 6 до 2 см, типично позднесарматского типа с навершием, длина рукояти около 30 см (рис. 2-4). На рукояти имеются металлические штифты, очевидно, для крепления обкладок из органики (дерева).

Глиняный сосуд, обнаруженный в засыпи, находящийся при мужчине, необходимо интерпретировать как признак взрослого физического состояния человека (разрешение пить крепкие напитки). Миска фрагментирована и представлена верхней частью, имеет диаметр 10 см (рис. 2-2). Возможно, она намеренно была разбита в древности при совершении ритуала.

Поясная гарнитура, являясь хронологическим индикатором, представлена бронзовыми пряжками и наконечниками ремней (рис. 1-1-5: рис. 3-4-6, 9, 10, 12, 14). Трехсоставные бронзовые пряжки соответствуют типам П8, П10 [Малашев 2000, 196].

Одна пряжка имеет овальное гладкое кольцо, прямой язычок (с насечками в основании), который чуть охватывает кольцо, пластина не сохранилась (рис. 1-3). Другая пряжка с овальным гладким кольцом, прямым язычком, который не охватывает кольцо, имеет и треугольную пластину, вероятно, с отверстием для крепления к ремешку (рис. 1-4). Третья пряжка с овальным гладким кольцом имеет прямой язычок, который доходит до середины кольца, и овальную пластину с тремя шляпками от заклепок полусферической формы (рис. 1-5). По форме пряжка относится к разновидности типа П10 (по классификации В. Ю. Малашева).

Бронзовые пряжки из погр. 206Б имеют круглую и овальную рамку, в двух случаях с утолщением в передней части, язычки не имеют полной сохранности, пластины не сохранились (рис. 3-4, 6). Язычки пряжек прямые, без прогиба, в двух случаях заходят за рамки почти до середины (рис. 3-5, 6).

Пряжки без щитка с рельефной площадкой на тыльной стороне язычка (разновидность 9в по И. Н. Храпунову), датируются IV в. и являются стандартным типом пряжек для могильника Нейзац в Крыму [Храпунов 2016, 100, рис. 7-20]. Отметим у пряжек из Кудашевского I могильника треугольное сечение язычка, кроме того, имеется утолщение в передней части овального кольца. Бронзовые пряжки, в целом, имеют параллели не только по размерам, но и по морфологии.

Бронзовой пряжке с овальным щитком с тремя заклепками (рис. 1-5) соответствует тип 9б (по И. Н. Храпунову), датируется IV в. [Храпунов 2016, 119, рис. 6-31]. У бронзовой пряжки (рис. 1-3) отметим на язычке в области площадки насечки.

Наконечники ремней в погр. 206А имеют неполную сохранность (рис. 1-1, 2). Накладки поясные в погр. 206Б (рис. 3-9, 10) – одночастные, нефасетированные, с секировидным расширением в нижней части. Соответствуют типу Н8 (по В. Ю. Малашеву). Аналогии секировидной накладке имеются в погр. 2, кургана III Тураевского могильника; ученый относит их к концу

IV в. [Генинг 1976, 96, рис. 27-11; 108]. Подобные поясные накладки в комплексах позднесарматского времени на Дону встречены во второй трети IV в. [Малашев 2000, 210].

Наконечник ремня выполнен из согнутой пластины прямоугольной формы с рядом из четырех заклепок полусферической формы для крепления с основой ремня (рис. 3-12). Аналогии ему найдены в Тураевском I могильнике, где подобные датируются V в. [Голдина, Бернц 2010, 441, табл. 265-53].

Втульчатые железные наконечники копья с ромбическим сечением являются одним из распространенных видов вооружения в Прикамье, датируются второй половиной IV в.

Халцедоновые бусины имеют размеры: длина 11–16 мм, высота 10–12 мм, ширина канала 5–8 мм (погр. 206Б). Они небольшого размера, а в погр. 212Б содержится одна крупная бусина длиной 25 мм, высотой 16 мм, шириной канала 7 мм (рис. 4-4). Параметры янтарных бус (рис. 3-15): длина 17–20 мм, высота 9–12 мм, ширина канала составляет 3–7 мм (погр. 206Б). Янтарные крупные бусы в Северном Причерноморье имеют широкий хронологический диапазон – с IV в. до н.э. по IV в. н.э. [Алексеева 1978, 23–24]. Возможна роль женщины в погр. 206Б как боевой подружки – найден железный наконечник копья.

Атрибуты женщин в парных могилах на памятнике: бусы, разнообразные по материалу (халцедон, янтарь, стекло) и форме (круглая, овальная); фрагменты кожаного пояса с пряжкой и наконечником ремня; украшение для рук – бронзовый браслет. В погр. 212 предполагаем, что бусина из халцедона принадлежала женщине, а металлический нож – мужчине, хотя ножи в погребениях могильника встречены как универсальный предмет материальной культуры древнего населения.

Обратим внимание на некоторые детали оформления парных могил. Минерал в виде охры коричневого цвета на тлене в погр. 206 представлял собой пятно аморфной формы в области предполагаемой груди человека. Отмечены в могиле единичные мелкие гальки на уровне тлена на дне – возможно, подсыпка; деревянные конструкции, испытавшие влияние огня (обряд «огненного обезвреживания»). Остатками в результате кремации являются отдельные кальцинированные косточки (погр. 212) и скопления в засыпи между могилами в погр. 206.

Аналогии парным погребениям встречены и в других памятниках Пермского Прикамья. В могильнике Верхний Ирьяк отмечено одно погребение (погр. 17), состоящее из взрослого и ребенка [Перескоков 2004, 135]. По устному сообщению одного из исследователей Мокинско-го могильника – памятника эпохи Великого переселения народов – Н. В. Соболевой, на некрополе имеются парные погребения (пп. 69, 89, 114). В более позднее время отмечены парные захоронения в Бояновском могильнике [Брюхова 2008, 195–198].

Статистика парных могил в памятниках, например, мазунинской археологической культуры в Среднем Прикамье обозначена автором как 6,2% [Останина 1997, 22].

В Тарасовском могильнике (Сарапульский р-н Удмуртской Республики) содержится 1880 захоронений, из которых насчитывается 52 (2,7% от общего числа) парных (сочетания погребенных разные внутри пар: мужчины, женщины, дети, мужчина и женщина, женщина и ребенок, мужчина и ребенок). Парные могилы не отличаются от индивидуальных и располагаются так же – в рядах [Сабилов 2001, 73].

В могильнике Арай (Боярка) (Каракулинский р-н, Удмуртия) мазунинского этапа пьяноборской КИО имеется 12 парных погребений [Черных, Хайруллина 2018, 89]. В погр. 23 погребенные располагаются на индивидуальных местах параллельно друг другу [Черных, Хайруллина 2018 99, рис. 2-5]. Таким образом, наличие парных могил для некрополей Прикамья – явление довольно редкое.

Семантика парных погребений. В парных захоронениях памятника женщина располагается слева, а мужчина справа. Возможно, в таком расположении отражена идея неразлучности и в ином мире, при соблюдении аналогичного положения человека в отношениях в жизни. Согласно современному этикету, в семейной паре слева идет женщина, справа – мужчина. В погр. 212 на едином настиле мужское захоронение имеет большую глубину, нежели женское. На памятни-

ке отмечена закономерность: чем глубже погребение, тем оно богаче по инвентарю. Вероятно, чем глубже яма, тем важнее персона, помещенная в нее. Возможно, захоронения разнополых пар совершались после военных действий, в один момент, и отражали социальные связи людей при организации военной иерархии. На кризисные ситуации при совершении парных захоронений указывала С. И. Сотникова при анализе могильников эпохи бронзы [Сотникова 2013, 47]. В целом, определенная связь в погребальном обряде отмечена как «<...> память, связь поколений, генетическое родство народа, неразрывно связанное с понятием своя земля» [Дворников 2015, 38].

Выводы

Анализ двух парных погребений памятника позволяет сделать следующие заключения. Количество парных могил на Кудашевском I могильнике составляет 1,01 % от общего числа захоронений, известных в настоящее время. Парные могилы не отличаются формой и ориентацией по сторонам света от индивидуальных грунтовых на некрополе, но имеют большие размеры ямы. Погребенные в захоронениях находились, вероятно, в положении головой на юго-запад и юго-восток (в индивидуальных погребениях на могильнике преобладает положение головой на юго-запад); относительно друг друга женщины располагаются слева, мужчины – справа.

Оба парных погребения на памятнике относятся к концу IV – началу V в. н.э. на основании поясной гарнитуры и по аналогиям с погребальными памятниками Прикамья.

Оружие на памятнике как элемент погребального обряда содержится в мужских могилах, но редко встречено и в женских индивидуальных, в том числе и в парных (пп. 206Б, 212Б). По количеству вещей при погребенном находится от 6 до 13 предметов (композиция из нескольких бус и бисера считается как ожерелье). У мужчин – оружие, кожаные пояса с металлическими накладками, у женщин – украшения.

Обратим внимание на устройство могилы № 206, в которой были организованы два отдельных места: настил в виде досок (плах?) – для мужчины, в целом, шире, чем у женщины – настил (из органики?). Возможно, мы имеем дело с ситуацией, когда в одной могиле деревянные конструкции для организации места для умершего связаны с разными традициями погребального обряда в отношении полов. Сложно интерпретировать роль женщины по отношению к мужчине (погр. 206); вероятно, ее положение было зависимое в определенном смысле – боевая подруга (найден копье среди ее вещей).

В погр. 212 место для умерших представляло собой общую погребальную конструкцию. В погр. 206 в общей яме фиксируется свободное пространство, а размещались погребенные на отдельных деревянных настилах. Из этого следует, что, несмотря на общее пространство ямы, каждому человеку было отведено свое место (вероятно, в ином мире – тоже), сохраняется индивидуальность каждого человека не только в разнице сопровождающего инвентаря, но и в устройстве места.

Парные могилы по количеству и качеству вещей и оформлению погребального места входят в одном случае в группу «богатые» (погр. 206), в другом – «беднейшие» (погр. 212). Следовательно, в анализируемых захоронениях социальный статус умершего не играл роли в совершении обряда в паре. В каждом конкретном случае людей связывали определенные отношения при жизни (военные действия, общие занятия в быту и т.д.).

Парные погребения – обряд, который демонстрирует родственные связи мужчины и женщины, социальную зависимость женщин от мужчин и наоборот – меньшинства населения как части древнего общества. В современном мире такая практика («жили долго и ушли в мир иной в один день») – редкость, за исключением стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИИКНП УдГУ – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета

ИА РАН – Институт археологии Российская Академия наук

КИО – культурно-историческая общность

ПГУ – Пермский государственный университет
САИ – Свод археологических источников
ТГСПА – Тобольская государственная социально-педагогическая академия
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

ЛИТЕРАТУРА

- Архив Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ, г. Ижевск (далее – ИИИКНП). Ф. 2. ИИИКНП. Ф. 2. Д. 447.
ИИИКНП. Ф. 2. Д. 469.
Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников Вып. Г1-12. М: Наука, 1978. 104 с.
Брюхова Н. Г. Парные погребения Бояновского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2008. № 5. С. 195–198.
Генинг В. Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 94–162.
Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в. н.э. // Из археологии Волго-Камья. Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова. Казань, 1976. С. 55–108.
Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
Дворников Э. П. К вопросу о семантике погребального обряда в древних культурах // Мир Евразии. 2015. № 2. С. 36–38.
Казанцева О. А. Порча вещей в погребальном обряде населения середины I тыс. н.э.: (по материалам могильников бассейна р. Тулвы) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 108–118.
Казанцева О. А., Вязников А. М. Погребальные сооружения населения среднего Прикамья (по материалам Кудашевского могильника III–V вв. н.э.) // Вестник Удмуртского университета. 2012. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. С. 20–31.
Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.: Институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
Паромов Я. М. Обряд парных погребений на Таманском полуострове и отражение его идеала в могилах Артюховского кургана // Боспорские исследования. Симферополь, 2019. Вып. XXXVIII. С. 39–92.
Перескоков М. Л. Особенности погребального обряда могильника Верхний Ирряк // Исторические чтения (материалы науч.-практич. конф. студентов и аспирантов историко-политологического факультета). Пермь: ПГУ, 2004. С. 134–138.
Пуздровский А. Е., Медведев Г. В. Парные погребения первых веков н.э. на Усть-Альминском некрополе // История и археология Крыма. Сб. ст. 2015. № 2. 2015. С. 250–269.
Сабиров Т. Р. Общая характеристика коллективных захоронений Тарасовского могильника (I–V вв. н.э.) // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археол. студ. конф., 29 января – 1 февраля 2001 г., г. Ижевск. Сб. ст. Ижевск, 2001. С. 72–74.
Сотникова С. В. О семантике парных погребений андроновской эпохи // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2013. № 6. С. 36–49.
Храпунов И. Н. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Сб. ст. Т. 2. Симферополь, 2016. С. 97–121.
Черных Е. М., Хайруллина О. Ф. Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // Археология евразийских степей. 2018. № 1. С. 87–108.
Abdulla Al-Shorman and Ali Khwaileh Burial practices in Jordan from the Natufians to the Persians // Estonian Journal of Archaeology, 2011. Vol. 15. Issue 2. P. 88–108.
Dennis W. Harding. Death and Burial in Iron Age Britain. Oxford: Oxford University Press, 2016. 328 p.
Valter Lang. Culture of death // Estonian Journal of Archaeology, 2011. Vol. 15. Issue 2. P. 83–87.

Поступила в редакцию 18.01.2021

Казанцева Ольга Алексеевна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1,
e-mail: kazantsevaolga@yandex.ru

O. A. Kazantseva

**THE RITUAL OF TWIN BURIALS
IN KUDASHEVSKY I BURIAL GROUND OF PERM PRIKAMYE**

DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-2-341-353

The article deals with the features of the funeral rite of the ancient population – twin burials on the example of the Kudashevsky I burial ground (3rd – 5th centuries AD), located in the Bardymy district of the Perm Region. In the ground part of the monument in the rows, along with individual pits are allocated a slightly larger size, but having the same orientation to the cardinal directions. All twin burials of the monument have inventory that does not differ from individual burials in the composition and number of items. But some details in the decoration of the burial place twin graves differ from individual graves. The funerary wooden structures in the graves represent separate places for each of the pair and differ in morphological details. Grave items of weapons and household items are found in men's graves, as well as in individual graves. Comparison of the accompanying inventory allows you to determine the gender and status of a person in a pair, to identify important people – men who played a significant role in the military and women who have set neck jewelry – necklaces. Armaments and household items were found in male graves, jewelry and household items in female burials, as well as in individual graves. The study of things in the burials made it possible to date the twin graves to the time of the late 4th – early 5th centuries. The issue of semantics of twin burials is considered. Twin burials are associated with the processes of assimilation of the newcomer population into the local population. Analogs to twin burials from burial sites of the middle of the 1st Millennium AD of the Perm and Udmurt Kama region are given.

Keywords: Perm PreKama, 3rd – 5th centuries A.D., burial ground, funeral rite, ritual of twin burial, grave construction, gender differences, items, semantic.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2021, vol. 15, issue 2, pp. 341–353. In Russian.

REFERENCES

Archive of the Institute of History and Culture of the peoples of PreUral Udmurt State University (hereinafter – IIIKNP), Izhevsk. F. 2. In Russian.

IIIKNP. F. 2. D. 447. In Russian.

IIIKNP. F. 2. D. 469. In Russian.

Alekseeva E. M. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique beads of the Northern Black Sea region], SAI. Vyp. FI-12. Moscow: Nauka Publ., 1978. 104 p. In Russian.

Bryukhova N. G. Parnye pogrebeniya Boyanovskogo mogil'nika [Twin graves of the Boyanovsky burial ground]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ehkspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition] 2008. No 5. Pp. 195–198. In Russian.

Gening V. F. Demenkovskii mogil'nik – pamyatnik lomovatovskoi kul'tyry [Demenkovski burial ground is a site of Lomovatovskaya culture]. *Voprosy arkheologii Urala* [The Issues of archaeology of Urals] 1964. Issue 6. Pp. 94–162. In Russian.

Gening V. F. Turaevskii mogil'nik V v. n.je. [The Turaevo burial ground of the V century A.D.]. *Iz arkheologii Volga-Kam'ya* [From the archaeology of the Volga-Kama]. Kazan, 1976. Pp. 55–108. In Russian.

Goldina R. D., Bernts V. A. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamyatnik ehpokhi velikogo pereseleniya narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaya chast')* [Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)]. Series: Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoi Arkheologicheskoi Ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama–Vyatka Archaeological Expedition). Vol. 17. Izhevsk: Udmurt University, 2010. 499 p. In Russian.

Dvornikov Eh. P. *K voprosu o semantike pogrebal'nogo obryada v drevnikh kul'turakh* [To the question about the semantics of burial rites in ancient cultures] *Mir Evrazii* [The World of Eurasia] 2015. No 2. Pp. 36–38. In Russian.

Kazantseva O. A. Porcha veshchei v pogrebal'nom obryade naseleniya serediny I tys. n. je. (po materialam mogil'nikov basseina r. Tulvy) [Spoilage of Things in the Funeral Rite of the Population of the Middle of I Millennium A.D. (Based on the Materials of the Burial Grounds of the Tulva River Basin)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2018. Vol. 12. Issue 3. Pp. 108–118. In Russian.

Kazantseva O. A., Vyaznikov A. M. Pogrebal'nye sooruzheniya naseleniya srednego Prikam'ya (po materialam Kudashevskogo mogil'nika III-V vv. n. je.) [Burial constructions of ancient people of Middle Prikamye (on the materials from the Kudashevsky burial ground of III–V centuries A.D.)]. *Vestnik UdGU* [The Bulletin of Udmurt State University]. Seria 5: History and Filology. 2012. Issue 1. Pp. 20–31. In Russian.

Malashev V. Yu. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and Their Neighbors on the Don]. Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona [Materials and Research of the Don Archaeology]. Issue I. Rostov-on-Don: «Terra» Publ., 2000. Pp. 194–232. In Russian.

Ostanina T. I. *Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv.* [The population of the Middle Kama area in III–V centuries], Izhevsk: Institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997. 327 p. In Russian.

Paromov Ya. M. Obryad parnykh pogrebenii na Tamanskom poluostrove i otrazhenie ego ideala v mogilakh Artyukhovskogo kurgana [The ritual of twin burial on the Taman peninsula and reflection of its ideal in the graves of Artyukhovsky kurgan]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporian research]. Simferopol, 2019. Issue XXXVIII. Pp. 39–92. In Russian.

Pereskokov M. L. Osobennosti pogrebal'nogo obryada mogil'nika Verkhniy Ir'yak [Features of the funeral rite of the burial ground Upper Iryak]. *Istoricheskie chteniya (Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov istoriko-politologicheskogo fakul'teta)* [The Historical readings (Materials of the scientific and practical conference of students and postgraduates of the faculty of History and political science)]. Perm, 2004. Pp. 134–138. In Russian.

Puzdrovskii A. Ye., Medvedev G. V. *Parnye pogrebeniya pervykh vekov n. je. na Ust'-Al'minskom nekropole* [Paired burials of the First centuries A.D. on the necropolies of the Ust-Alma]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of Crimea] 2015. No 2. Pp. 250–269. In Russian.

Sabirov T. R. Obshchaya kharakteristika kollektivnykh zakhoronenii Tarasovskogo mogil'nika (I-V vv. n. je.) [General characteristics of collective burials of the Tarasovsky burial ground (I–V centuries A.D.)]. *Materialy XXXIII Uralo-Povolzhskoi arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii (29 yanvarya – 1 fevralya 2001 g., g. Izhevsk)*. [The materials of the XXXIII Ural-Volga archaeological student conference (January 29 – February 1, 2001, Izhevsk)]. Izhevsk, 2001. Pp. 72–74. In Russian.

Sotnikova S. V. O semantike parnykh pogrebenii andronovskoi epokhi [About semantic twin burials of the Andronov epoch]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsenral'noy Azii v istoricheskoi retrospective* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. 2013. Issue 6. Pp. 36–49. In Russian.

Khrapunov I. N. *Serebryanye i bronzovye pryazhki iz mogil'nika Neizats* [Silver and Bronze Buckles from the Cemetery of Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu* [The Crimea in the age of the Sarmatians (II century BC. – IV century AD.)], Simferopol, 2016. Vol. 2. Pp. 97–121. In Russian.

Chernykh E. M., Khairullina O. F. *Boyarsky («Arai») mogil'nik – novyi pamyatnik epokhi velikogo pereseleniya narodov v Prikam'e* [Boyarsky («Arai») burial ground is a new site of the migration period in the middle Kama Region]. *Arkheologia evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes], 2018. No 1. Pp. 87–108. In Russian.

Abdulla Al-Shorman and Ali Khwaileh. Pogrebal'nye obychai v Iordanii ot natufiantsev do persov [Burial practices in Jordan from the Natufians to the Persians]. *Estoniskii zhurnal arkheologii* [Estonian Journal of Archaeology]. 2011. Vol. 15. Issue 2. Pp. 88–108. In English.

Dennis W. Harding. *Smert' i pogrebenie v Britanii zheleznogo veka* [Death and Burial in Iron Age Britain]. Oxford: Oxford University Press, 2016. 328 p. In English.

Valter Lang. Kul'tura smerti [Culture of death]. *Estoniskii zhurnal arkheologii* [Estonian Journal of Archaeology]. 2011. Vol. 15. Issue 2. Pp. 83–87. In English.

Received 18.01.2021

Kazantseva Olga Alekseevna,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,

Udmurt State University,

1, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation;

e-mail: kazantsevaolga@yandex.ru